

Джош МАКДАУЭЛЛ

Эд СТЮАРТ

РАЗВОД
РОДИТЕЛЕЙ

История ДЖЕССИКИ

Пятнадцатилетняя Джессика Инграм знала, о чем будет предстоящий семейный разговор, хотя мать не сказала ничего конкретного. Знали об этом и сестра Джессики, Карен, и ее брат, Марк. Нужно было быть совершенно слепым и глухим, да к тому же и безмозглым, чтобы не понимать происходящего. Отец и мать собирались объявить своим детям, что их раздельное проживание не помогло и они будут разводиться.

Джессика не сомневалась, что предстоящий разговор о разводе будет таким же неприятным, как и разговор о раздельном проживании родителей три месяца назад. Она предпочла бы нырнуть в цистерну с серной кислотой и навеки исчезнуть, только бы не участвовать в этом! Не в буквальном смысле, конечно. Она хорошо знала, что самоубийство — это

удел малодушных, и к тому же грех. Но какой смысл встречаться всей семьей, если после этой встречи всем будет еще хуже, чем сейчас? И зачем уделять разводу столько внимания, обсуждая его за обеденным столом?

Устроившись поперек кровати, Джессика прибавила громкость в наушниках, чтобы не слышать гнетущую тишину дома. Ее восемнадцатилетняя сестра Карен вернется домой с работы через полчаса, как раз к этому тяжелому разговору. Будь Карен сейчас дома, она бы хлопала дверями и срывала раздражение на всех, кто попадется ей под руку. Выпускала бы пар, как она это называла. После того самого семейного совета в апреле, когда отец и мать объявили о том, что будут жить раздельно, она не скрывала своего гнева по поводу происходящего. Когда Карен «выпускала пар», Джессика по крайней мере чувствовала хоть какое-то облегчение: тишина была просто невыносима.

Их младший брат Марк, которому исполнилось двенадцать лет, сидел в своей комнате. Он был полной противоположностью Карен.

Когда после первого, состоявшегося в апреле разговора мать спросила, как он себя чувствует, он просто пожал плечами и ушел играть в свои компьютерные игры. Как будто ничего не произошло. Сейчас он, наверное, слушая музыку через наушники, доблестно сражается с инопланетянами на компьютере. Джессика понимала, что семейный кризис затронул и его, просто он замкнулся в себе. Джессика боялась за него: долго ли он так продержится?

Мать тоже была дома. Забившись в угол, она читала любовный роман. Джессика подумала, что чувствовала бы себя лучше, если бы мать ругала ее, требуя убрать комнату или заняться другими делами по дому. Однако, похоже, мать была в таком же настроении, как и они с Марком.

Отца, конечно же, дома не было. После того разговора в апреле, когда они с матерью объявили, что будут жить раздельно, отец переехал в съемную квартиру в нескольких километрах от дома.

Мать сказала, что он принесет на ужин пиццу. Джессика поморщилась. Это похоже

на грубую, жестокую шутку — сидеть за столом как ни в чем не бывало, есть пиццу и в то же время разрушать семью! Джессике не хотелось есть. У нее не было аппетита уже три месяца. Она плохо спала, ее мучили кожный зуд и ночные кошмары. Все это началось в апреле. Если она так себя чувствовала после того, как родители решили жить отдельно, что же будет, когда они окончательно разойдутся? Джессика не хотела даже думать об этом.

Пока музыка гремела в ушах, Джессика пыталась молиться. Она стала христианкой уже почти год назад, уверовала в Христа прошлым летом в молодежном лагере. С того момента в ее жизни произошли серьезные изменения. Молитва, изучение Библии, богослужения стали играть значительную роль в ее жизни. Однако все это не затронуло ее семью, в частности, родителей. Они посещали церковь лишь раз в два месяца, когда в богослужении принимала участие молодежная музыкальная группа, в которой пела Джессика. В течение последнего года отец и мать продолжали от-

даляться друг от друга, хотя Джессика постоянно за них молилась.

Молиться о примирении родителей казалось ей совершенно безнадежным делом. Она чувствовала, что в распаде семьи отчасти виновата и она. Ей следовало быть более послушной, уступчивой, больше помогать родителям, особенно до того, как она стала христианкой. Она знала, что ее упрямство заметно осложняло совместную жизнь родителей. Джессика много раз просила у Бога прощения за то, что не была хорошей дочерью. Сейчас она в основном молилась за Марка и Карен. И за себя.

Вечерняя встреча было пародией на семейный ужин. Отец и Марк положили себе пиццу и стали говорить о бейсболе, как будто были на веселой вечеринке. Джессика, Карен и мать для приличия откусили по кусочку и, отодвинув тарелки, сидели молча. Мать, казалось, вот-вот расплачется. Глаза Карен горели, она была похожа на бомбу, готовую взорваться. Джессика хотела, чтобы все это скорее кончилось и она могла вернуться в свою комнату.

— Мы с мамой хотим вам кое-что сказать, — наконец произнес отец. — С тех пор как я переехал, наши проблемы не только не разрешились, но все стало еще хуже. Раздельное проживание и семейные консультации не помогли. Поэтому мы решили развестись. Мы хотим, дети, чтобы вы знали: проблема не в вас, а в нас с мамой. Мы вас всех любим, и мы...

Карен вскочила со своего места так резко, что ее стул опрокинулся и с грохотом упал на деревянный пол.

— Да меня просто тошнит от этого! — закричала она на родителей. — Если бы вы нас действительно любили, вы бы так не поступили с нами! Почему вы не можете все уладить? Не думаю, что вы пытались, не думаю даже, что вы *хотели бы* попытаться!

Приправив свою тираду парой крепких словечек, которые Джессика никогда раньше не слышала от нее, Карен «выпускала пар» по полной программе. Отец пару раз пытался ее остановить, но с таким же успехом он мог бы плевать против ветра. Оставив свои бесплод-

ные попытки, он просто сидел и слушал. Джессика знала, что это все равно ничего не изменит. Мать закрыла глаза и тихо плакала. Марк же занялся своей пиццей, надкусывая по краям корочку.

Чем больше распалялась Карен, тем острее Джессика чувствовала гнев и боль. Карен выражала словами то, что она сама хотела бы сказать. Ее старшая сестра «выпускала пар» за двоих. И когда Карен заплакала, Джессика почувствовала, как к ее горлу подступил комок, а по щеке потекла горячая слеза. Хотя она была согласна не со всем, что сказала сестра, и тем более не с тем, как она это сделала, все же Джессика завидовала ее способности давать выход чувствам.

Через пару минут, которые показались Джессике вечностью, все закончилось. Отец сказал, что хотел, Карен взорвалась. Затем отец объяснил, что они с матерью решают вопрос, кто с кем будет жить и как долго. Для Джессики это было уже слишком. Отец, переехав в другую квартиру, оставил детей с матерью. Карен говорила Джессике, что он, скорее всего, с

кем-то встречается и, по понятным причинам, не захочет, чтобы Марк или девочки жили с ним. Сейчас отец говорил о том, что могло внести еще большее разделение в семью.

— Может быть, в сентябре, когда начнутся занятия, кто-нибудь захочет переехать ко мне, — сказал отец, глядя на младшую дочь.

Джессике совершенно не хотелось выбирать между родителями, но и становиться чем-то вроде мячика для пинг-понга, который прыгает с одной половины стола на другую, она тоже не была готова. Ее комната, ее вещи были здесь, и она чувствовала, что ее место с матерью, Карен и Марком. Она не представляла, как сказать отцу, что хочет остаться с матерью.

В половине восьмого у отца была деловая встреча, поэтому вскоре после семи он ушел. Джессика любила отца, но сейчас она была рада, что он ушел. На сегодня ей было достаточно впечатлений. Карен помогла матери убрать со стола, Марк отправился сражаться с инопланетянами, а Джессика вернулась в свою комнату и надела наушники.

Она знала, что сейчас мать обсуждает с Карен детали состоявшегося разговора — это то, чем Джессике меньше всего хотелось бы заниматься. Вопрос о разводе, как она считала, должен решаться в частном порядке, а не выноситься на обсуждение, словно просмотренный фильм. И это не тема для разговора с друзьями: «Смотри, я на распродаже купила отличные кроссовки, да, и мои родители разводятся».

Джессика неожиданно осознала еще одно преимущество быть христианкой — преимущество, которого она не понимала раньше. Ее лучшие друзья были в церкви, включая Дага и Дженни Шоу, молодежных лидеров. И поскольку никто из них не был знаком с ее семьей, они ничего не узнают о разводе. Если она сама им об этом не скажет, а она этого делать не собиралась. Даже ее лучшая подруга Натали Симмонс, которая год назад пригласила ее в молодежный лагерь и молилась с Джессикой, когда та обратилась к Христу, знала только, что ее родители живут раздельно. Хорошо, если бы Натали помогла ей держать их развод в секрете. Но тогда, конечно, она должна об этом

узнать. Поэтому Джессика решила рассказать ей. И больше никому.

— Я пошла к Натали, вернусь к десяти, — крикнула Джессика матери. И прежде чем мать успела ей что-то ответить, она уже села на велосипед и отъехала от дома.

Был приятный теплый летний вечер. Джессика почувствовала себя лучше, уехав из дома, где запах пиццы напоминал ей о печальном разговоре. Вряд ли она теперь вообще захочет притронуться к пицце. Вместе с подругой они доехали на велосипедах до городского парка и уселись на двойные качели. Джессика рассказала о разговоре за ужином.

— Твои родители разводятся? О, Джесси, мне так жаль!

Джессика была поражена: в словах подруги было столько искреннего сочувствия, столько любви... и ни малейшего намека на осуждение или упрек.

— Только никому не говори, это секрет, хорошо? — сказала Джессика.

— Секрет? Почему? Объясни, пожалуйста.

— Я хочу, чтобы в церкви никто не знал об этом, — объяснила Джессика. — И теперь, после того как я тебе все рассказала, я больше не хочу это обсуждать.

— Но почему, Джесси? — настойчиво спросила Натали.

На мгновение Джессика заколебалась, размышляя, следует ли ей полностью открыться перед подругой. Рассказав Натали самое главное, она решила быть откровенной с ней до конца, хотя это было нелегко.

— Потому... потому что... моя семья не совсем нормальная, понимаешь? Мои родители не верят в Бога, и то, что они сейчас делают, — не повод для гордости. Я бы предпочла, чтобы об этом не знали.

Джессика откинулась назад и вытянула ноги, чтобы раскачаться. Натали последовала ее примеру, и в течение нескольких минут девочки качались в тишине.

Когда качели почти остановились, Натали спросила:

— А как насчет Дженни?

Дженни Шоу и ее муж Даг были волонтерами, занимавшимися организацией работы с молодежью в церкви. Обоим было за тридцать. Дженни была в лагере с Джессикой, когда та уверовала в Христа, и в течение нескольких недель после этого наставляла ее, помогая расти духовно.

— Что *насчет* Дженни? — ответила Джессика вопросом на вопрос.

— Она твоя старшая сестра во Христе, ты сама так говорила, — сказала Натали. — Я думаю, тебе стоит рассказать ей, что происходит у тебя дома. Она может помочь тебе справиться с этой ситуацией.

— Я *сама* справлюсь с этим, Натали. Просто я не хочу делать это... ну... так открыто, как многие другие.

— Развод — слишком серьезная вещь, чтобы справляться с ней самостоятельно, — сказала Натали так, словно сама была старшей сестрой.

— Я же уже сказала тебе, не так ли?

— Да, конечно, и я буду молиться за тебя, — заверила ее Натали. — Я твоя подруга, и я буду

рядом с тобой. Но мне кажется, что Дженни могла бы помочь тебе справиться с твоими эмоциями лучше, чем я.

— С эмоциями? В нашей семье не мне нужно справляться с ними. Скорее, это необходимо моей сестре Карен. — Джессике не хотелось спорить с Натали, но ей не понравилось, что подруга указывает, что ей нужно, пусть даже и вполне обоснованно.

Натали помолчала минуту, и Джессика решила, что она сдалась. Но та продолжила:

— Помнишь, как два года назад погиб мой старший брат?

— Мы тогда были едва знакомы. Это был несчастный случай, да?

Натали кивнула:

— Его смерть потрясла нас всех. Я тогда думала, что лучший способ с этим справиться — это как можно скорее вернуться к нормальной жизни. И я пыталась себя преодолеть. Я не знала, что переживание горя — естественный процесс, через который я должна была пройти. Дженни и Даг помогли мне тогда разобраться в моих чувствах.

Джессика ждала продолжения, но Натали молчала. Ей нечего было добавить.

«Развод — это как смерть, — говорило что-то внутри Джессики. — Тебе нужно пережить это, ты должна излить свои чувства кому-то, кто сможет помочь тебе совладать с ними. Дженни — твоя старшая сестра в Господе. Тебе надо пойти к ней».

Они молча посидели еще несколько минут, после чего Джессика сказала:

— Мне пора ехать домой. Я беспокоюсь за Марка. Мне нужно немного побыть с ним.

Перед тем как они сели на велосипеды, Натали крепко обняла подругу:

— Джесси, я переживаю вместе с тобой. Мне так жаль, что тебе приходится через это проходить!

— Спасибо тебе. Спасибо за заботу. — Джессика тоже обняла Натали.

Она не стала спешить домой, ей хотелось подумать над тем, стоит ли рассказывать Дженни Шоу об одном из самых тяжелых моментов в своей жизни.

ВРЕМЯ ПОРАЗМЫШЛЯТЬ

Развод — одно из самых печальных слов в любом языке мира, особенно для детей разводящихся родителей. И, по всей видимости, в наши дни эта беда затрагивает больше людей, чем в предыдущих поколениях. В середине двадцатого столетия в Соединенных Штатах около 25 процентов заключенных браков заканчивались разводом, а уже в шестидесятые годы это число выросло до 50 процентов, и даже больше. Весьма вероятно, что половина детей в твоей школе растет в семьях, где родители либо развелись, либо не живут вместе. И, возможно, ты читаешь эти строки потому, что ты — один (или одна) из них.

Развод воспринимается столь болезненно, потому что подрывает основы твоей жизни на ее раннем этапе. Родители — вот главный источник любви и безопасности для беспомощного малыша. Именно так, по замыслу Божьему, должна быть устроена семья. И даже когда этот малыш становится